

НУРМУХАМЕД ХАНАМОВ ВСПОМИНАЕТ...

Нурмухамед Ханамов – известный общественный и государственной деятель Туркменистана. В 2002 году, будучи послом в Турции, объявил о переходе в оппозицию. В настоящее время живет в Австрии, предоставившей ему убежище.

Эта публикация основана на аудиозаписях воспоминаний Ханамова, записанных экспертом по Центральной Азии Виталием Пономаревым в Вене в июне 2003 года. Позднее в текст были внесены небольшие уточнения.

Первая часть воспоминаний охватывает период с 1990 по январь 2002 года. Ханамов рассказывает о своей работе в правительстве Туркменистана и в посольстве в Турции, «заговоре туркменских послов», завершившемся созданием в конце 2001 года нового оппозиционного движения во главе с Борисом Шихмурадовым.

Биографическая справка:

Ханамов Нурмухамед родился 1 января 1945 г. в г.Теджене.

Отец Чары Ханамов до 1962 года возглавлял Тедженский райком компартии, затем был назначен директором совхоза «Теджен» союзного подчинения.

В 1963 г. окончил среднюю школу. В 1965 г поступил в Ленинградский институт киноинженеров. В 1966 г. перевелся на электротехнический факультет Туркменского политехнического института в Ашхабаде, который окончил в 1970 г.

С 1970 г. - на различных должностях в Управлении «Каракумстрой» Министерства водного хозяйства СССР, прошел путь от инженера до начальника Управления. С 1978 г. – заместитель начальника Управления «Каракумстрой» (позднее – «Главкаракумстрой»). С 1988 г. - заместитель председателя Госкомводсельстроя ТССР (создан на базе упраздненных «Главкаракумстроя», «Минсельстроя» и строительных организаций Министерства водного хозяйства). С января 1990 г. - председатель Государственного комитета ТССР по строительству водохозяйственных и промышленно-гражданских объектов агропромышленного комплекса. С октября 1990 г. – председатель Государственного комитета ТССР/Туркменистана по материально-техническому снабжению (Госснаб). С 6 июля 1994 г. - Чрезвычайный и Полномочный Посол Туркменистана в Турции. С 12 июня 1995 г. по 4 февраля 2002 г. - Чрезвычайный и Полномочный Посол Туркменистана в Турции и Израиле по совместительству.

3 февраля 2002 г. заявил в Анкаре об уходе в отставку и присоединении к оппозиционному Народно-демократическому движению Туркменистана. В 2003 г. получил убежище в Австрии. С 28 мая 2005 г. – председатель незарегистрированной Республиканской партии Туркменистана.

ИЗ АУДИОЗАПИСИ ВОСПОМИНАНИЙ НУРМУХАМЕДА ХАНАМОВА

«С начала 1994 года Ниязов стал резко меняться...»

«В начале 1990 года меня назначили председателем Госкомводсельстроя республики. Тогда я впервые встретился с Ниязовым. А в конце 1990 года он попросил, чтобы я возглавил Госснаб. До этого в «Каракумстрое» и Госкомводсельстрое, будучи замом, я курировал промышленность и снабжение. Учитывая, что главк был союзного подчинения, мне часто приходилось бывать не только в Минводхозе Союза, но и в Госснабе и Госплане СССР... По каракумскому каналу были особые гидросооружения. Там по нормативам ресурсы выделять невозможно было. Поэтому приходилось со всеми проектами ездить в Москву и защищать.

В «Каракумстрое» меня еще в 1975 году забрали с производства на снабженческий участок. Раньше УМТС¹ были, потом пошла мода на УПТК². Я хотя и упирался, но Гладкий Виктор Иванович (зам. начальника Главкаракумстроя) все равно уговорил меня. Я проработал два года начальником управления производственно-технического снабжения, потом стал зам. начальника главка, там мне дали кураторство и над промышленностью...

Ата Чарыева в 1990 году назначили первым заместителем председателя Совмина ТССР. Сначала на свое место начальника «Госкомводсельстроя» рекомендовал меня (бывший «Главкаракумстрой» тогда объединили с «сельстроем» и «водстроем»), а потом, когда вопрос коснулся Госснаба республики, он говорит Ниязову: «Есть подготовленный кадр, давно работает, знает союзную структуру, давайте его назначим». Ниязов согласился. Так в конце 1990 года (еще до распада Союза) я возглавил Госснаб и проработал там больше 3,5 лет.

6 июля 1994 года вышел указ о назначении меня послом. Но в Турцию я выехал только 21 июля, потому что Ниязов, как обычно, немножко поторопился, надо было агреман³ дожидаться.

Были две причины моего ухода на дипслужбу.

В 1991-1993 годах еще можно было более-менее нормально работать с Ниязовым. Госснаб курировал он сам. Я частенько бывал у него, информировал о ходе работы. Тем более после распада Союза очень тяжелым был 1992 год. Прежние связи распались, надо было налаживать двусторонние. Эти функции у нас в республике возложили на Госснаб. Контакты со странами СНГ через нас пошли. Межправительственные соглашения и прочее мы готовили. Прорабатывали на местах, выезжая в республики, тоже мы. После подписания протоколов контролировали ход выполнения этих протоколов. В основном, по СНГ. С компаниями других стран у меня было мало контактов.

Помню, Ниязов еще в начале 1992 года не раз предлагал ломать старые советские структуры, и Госснаб тоже, создавать новые, но я говорил, что предприятия должны привыкнуть к рыночной экономике, мы будем им помогать. Он согласился, поэтому Госснаб тогда не тронули.

Но постепенно Госснаб как структура стал лишним. Несмотря на то, что в Туркменистане мы не создали еще рыночную экономику, предприятия, даже государственные, стали налаживать прямые связи с зарубежными партнерами. В первые годы, пока мы налаживали все это, было трудно, все по привычке на Госснаб кивали. А когда освоились... Мы им в этом оказывали содействие. На мероприятия по отработке двусторонних связей всегда приглашали руководителей крупных предприятий, чтобы они находили нужные организации и налаживали контакты. Когда эта работа была проделана, где-то к концу 1993 года Госснаб себя изжил. Позже его расформировали, я передал все это и затем ушел. Это первая причина.

А вторая причина... С начала 1994 года Ниязов стал резко меняться, перестал прислушиваться к чужому мнению. Мне приходилось часто встречаться с ним как главе Госснаба... И до этого, конечно, надо было подстраиваться под Ниязова. Но в то время он выслушивал и всегда требовал несколько вариантов. Основной вариант, более обоснованный, он обычно брал и выдавал за свою идею... Но Бог с ним, главное, решался вопрос. А потом он перестал на это обращать внимание. Когда мы готовили справки по двусторонним связям к встречам на уровне глав государств, вначале он просматривал, ставил нужные вопросы... Заранее эти визиты готовились, с нашей стороны, с их стороны ставился ряд вопросов. Проработки у нас были: что может быть, какие вопросы оттуда

¹ УМТС - Управление материально-технического снабжения.

² УПТК - Управление производственно-технической комплектации.

³ Агреман - предварительное согласие государства на назначение определённого лица в качестве главы дипломатического представительства другого государства. Предусмотрен Венской конвенцией о дипломатических отношениях.

будут... А потом он начал плевать на все, на ходу менял повестку. Иногда во время визитов такие вопросы ставил несурзные, о которых мы впервые только там услышали. Порой не договаривал, и партнеры не понимали, что он конкретно хочет. Все были в растерянности, не знали, как из этой ситуации выйти. Это надоедает. Иногда такая глупость звучала, стыдно даже было в составе делегации быть. Тогда у него это стало открыто проявляться. Раньше, видимо, сдерживался, пока ему надо было крепко встать на ноги.

В первые годы после распада СССР в Туркменистане мы, будучи членами правительства, участвовали в работе Меджлиса⁴. В советское время все министры и руководители ведомств были депутатами. После распада СССР уже не были депутатами, наоборот, глав ведомств утверждали в парламенте. Нас тоже утвердили, мы работали и участвовали во всех заседаниях Меджлиса. Первые законы рыночной экономики - о собственности, о защите инвестиций были приняты у нас в Туркменистане. Но они остались на бумаге, не успев заработать.

Когда делали первые шаги, все были окрыленными, люди работали с энтузиазмом, действительно хотели после шоковой терапии, распада Союза, разрыва связей - поднять экономику республики, наладить отношения, старые и новые. Первый год прошел, считаю, нормально. В 1993 году еще двигались по инерции... Ниязов тем временем потихоньку укреплялся, менял структуру власти, например, упразднил пост председателя Совета Министров (главы правительства) и сам стал им как глава государства. К 1994 году он, видимо, уже почувствовал, что может действовать так, как хочет.

В то время было туго с товарами народного потребления и продовольствием. В марте 1994 года на одном из заседаний Кабинета Министров он начал с министра торговли Халназара Агаханова, переключился на Ашира Атаева⁵, потом на Пайзыгельды Мередова⁶: «Что, мол, такое, даже овощей, обычных продуктов нет на рынках». И в конце на меня: «Ты как глава Госснаба за все это должен отвечать, за двусторонние связи...» Я говорю: «Причем здесь двусторонние связи? Это внутреннее производство». – «Нет, ты тоже не смотришь за ситуацией».

С таким нападками выступил. Но главное даже не в этом. По горячке он мог всем, конечно, выдать, чтобы приложили усилия, друг другу помогали... Но у него начались оскорбительные выходки на совещаниях. И в мой адрес что-то такое сказал. А у меня натура такая: я не терплю и отвечаю. Хотя меня рядом сидящие всегда дергали, удержать пытались. Когда я ему раза два ответил, на третий раз он, конечно, взбесился, создал комиссию во главе с министром внутренних дел Курбаном Касымовым, включая налоговую инспекцию, КРУ⁷ Минфина, прокуратуру, КНБ и МВД. Начиная буквально со следующего дня около трех месяцев все подразделения Госснаба – областные базы и республиканские (в Ашхабаде которые) от и до прошерстили. Поочередно несколько ведомств нас проверяли: одни проверяющие уходили, другие приходили. С марта и до конца мая шла проверка.

Безусловно, без недостатков организация не бывает. Но, чтобы, как он говорил, «повсеместная коррупция», «у вас чёрт-те чего творится»... Привел пример, что, мол, лицензию такому-то ведомству не даете. Я тут же отвечаю: «У нас республиканская организация «Автосервис» перепродавала металл, который мы завезли с Украины. Это, во-первых, юридически неправильно, во-вторых, продавали они по очень низким ценам, сбивали цены и все под маркой бартера. Иранские товары шли фактически по двойной

⁴ Меджлис (до 1992 г. - Верховный Совет) Туркменистана – парламент, высший орган законодательной власти.

⁵ Ашир Атаев – в 1990-1995 гг. министр товаров народного потребления.

⁶ Пайзыгельды Мередов - в 1992-1994 гг. министр сельского хозяйства, продовольствия и перерабатывающей промышленности Туркменистана (ведомство было переименовано в министерство сельского хозяйства и продовольствия).

⁷ КРУ – Контрольно-ревизионное управление.

цене. И металл продавал в два раза дешевле реальной стоимости». Когда я начал это объяснять, он, конечно, слушать не стал, тут же оборвал, начал кричать. Вот такими фактами оперировал, в дальнейшем это не подтвердилось.

Или говорит: «Из завезенных автомобилей ты и каждый твой зам приобрели по машине бесплатно, перепродавая другим. Ваша организация «Легпищеснаб» перепродала иранцам мотоциклы по заниженным ценам». Несколько таких примеров привел. Но, когда насчет машин начали проверять, у некоторых моих замов вообще не оказалось машин, а у меня машина была еще с 1982 года, которую мне выделил Минводхоз Союза - я еще помню, с Москвы перегонял. То, что ему преподнесли, этого не было.

В отношении пяти машин – это как «испорченный телефон». Действительно, пять закупленных нами машин при транспортировке по железной дороге были побиты и «раскулачены». Эти машины мы сактировали и продали частной фирме. Все остальные машины у нас уходили только в государственные организации. Разбитые машины ни одна государственная организация бесплатно не возьмет, потому что у этих организаций на восстановление нет средств. А фирмам – лишь бы иномарка, они подлатают, деньги у них есть. Эти машины нашли в Каахке (я даже не знал, где они). Их еще не успели восстановить. В таком «раскулаченном» виде их сфотографировали проверяющие органы.

Многие факты я сам не знаю, что ему могли преподнести. Видимо, наговаривали. Он всегда, кто первый к нему придет «капать», тому и верил.

Когда настал день разговора со мной по итогам проверки, передо мной он пригласил Сапара Сеидова, председателя КНБ⁸. Я прихожу к помощнику Ниязова Виктору Храмову. Обычно минут за 15 до назначенного времени приходили. Спрашиваю: «Кто у него?» – «Сеидов».

Сидим, разговариваем. Полчаса проходит, Сеидов не выходит. Где-то минут через 45 вышел как из сауны: весь красный, пот ручьем течет. Я думаю: «Ну, дела. Тут чем-то серьезным пахнет». Я не знал, по какому вопросу Сеидов там был. Оказывается, Ниязов его передо мной вызвал, чтобы получить подтверждение своих обвинений. Ждал от КНБ серьезных аргументов... А они ничего дать не смогли. Вот почему он его целый час гонял. КНБ у него, видимо, был последней надеждой.

После ухода Сеидова минут 10 прошло, нас обоих зовет. Опять начал: «Вот, так и так». Я тут же отвечаю: «Проверяли, итоговые материалы смотрели вместе, если я обманываю, пусть подтвердят документами». Так несколько раз. Потом вышел из себя, кричит: «Что ты из себя строишь белую ворону?» Я отвечаю: «Сапар Атаевич, причем здесь белая ворона? Я вам и тогда говорил и сейчас, что ничего того, что вам преподнесли, нет. До сих пор я не знаю полностью, что вам говорили. Но по тем вопросам, которые были поставлены перед нами, вот результаты проверки». Он из себя повыходил, потом говорит: «Ладно, не строй из себя. Что теперь президент будет оправдываться перед народом, что он не прав что ли? Ты сегодня выступи по ТВ». Я говорю: «Хорошо, о чем выступить?» – «Это, говорит, ты сам подумай. Приведи ряд фактов, сам себя обвини, сам и докажи свою вину или оправдывайся, выступи». Я согласился, говорю: «Хорошо, Сапар Атаевич, выступлю».

Он тут же звонит своему заму Оразгельды Айдогдыеву⁹: «Сейчас к тебе придет Ханамов, ты с ним сядь, разберись, сегодня пусть он выступит по ТВ».

Прихожу к Айдогдыеву, говорю: «Давай сотрудника ТВ, я при тебе набросаю вопросы, пусть он их задаст, я буду на них отвечать. На ходу мы сочинили ряд вопросов и ответов на них. Конечно, пришлось на себя взять вину: мол, мы увлеклись демократией, дали много самостоятельности нашим низовым организациям, а они допустили оплошности, тут, конечно, вина наша, не должны были на самотек пускать... В таком духе выступил, он вроде успокоился».

⁸ КНБ – Комитет национальной безопасности.

⁹ Оразгельды Айдогдыев – в 1992-2001 гг. заместитель председателя Кабинета Министров Туркменистана, курировал идеологический блок).

Но у меня, честно скажу, после этого вся охота, с которой я раньше работал, отпала. Я уже на работу шел как на каторгу. Он мне как будто руки пообломал.

В июне Ниязов готовился в зарубежную поездку в Индонезию и Малайзию. Я был в составе делегации. Он мне поручил подготовить справку по этим странам. Особых отношений с ними не было, но что могло бы заинтересовать те страны и что от них нам было бы интересно. Там мизерный оборот – на 6-7, максимум 10 млн. долларов, что-то у нас они закупали, сейчас не помню конкретно. Я справочку подготовил, пришел, докладываю ему где-то за неделю до поездки. Он между делом вспомнил Турцию: «Следующая поездка в Турцию. Давай сразу поручения своим перед отъездом, чтобы до приезда справку по Турции сделали». Я говорю: «По Турции у нас хорошая серьезная справка, немного только освежим последними данными». В то время я одновременно был сопредседателем турецко-туркменского делового совета. В конце декабря 1991 года, когда был первый официальный визит Ниязова в Турцию, во время визита с туркменской стороны меня избрали сопредседателем. Он говорит: «Вот Хан Ахмедов¹⁰ плохо работает. Дети его бизнесом занимаются. Туркменские студенты там учатся, так их вообще в посольство не пускает. Я его хочу сменить, в этой поездке я его сменю». Я знаю, как он обычно наговаривает на человека, которого не любит. Молча слушаю, ничего не говорю.

Кроме этой справки я проинформировал Ниязова о двух зарубежных поездках. Все зарубежные поездки, особенно если возглавлял их кто-то на уровне зам. министра, надо было согласовывать с ним. А мне надо было двух замов отправить. Одного – в Европу, эта поездка в Австрию, Бельгию, Германию, вопрос стоял о машинах для коммунального хозяйства и городских пассажирских автобусах. Возглавлял один из моих замов, который курировал это направление, с ним ехали министр автотранспорта и первый зам. горисполкома Ашхабада. Втроем должны были рассмотреть на месте варианты покупки, качество и цену. Вторая поездка была на Деловую экономическую комиссию в Турцию, где были представлены тюркоязычные страны. Туда, учитывая, что я был в президентской делегации, ехал мой зам. Я доложил об этих поездках. Ниязов одобрил. Возвращаясь, этим троим сообщаю: «Готовьтесь, одобрено шефом, едите в командировку». Другого зама вызываю: «Вот по ДЭКу справка, готовься, тоже едешь». Еще один с Госплана по линии ДЭК должен был поехать. Еще раз задание дал по Турции, чтобы подготовили.

Но вопрос о замене Хан Ахмедова у меня из головы не выходил. На следующий день набрался смелости, поднимаю прямой телефон, говорю: «Сапар Атаевич, у меня есть один серьезный вопрос. Если у вас есть время, я бы зашел минут на пять». – «Давай, подъезжай сейчас».

Приехал, говорю: «Вы извините, это вопрос личного характера». Он: «Что такое?» - «Вы вчера сказали, что хотите заменить Хана Ахмедовича, вы это твердо решили и есть ли кандидатура на его место?» - «Заменить твердо решил, в этой поездке в Турцию скажу Демирелю¹¹, что я его меняю, а в отношении замены я еще не думал».

Тогда я говорю: «Если бы вы направили меня, я бы поехал». В этот момент надо было видеть лицо его. У него челюсть отвисла. Он, наверное, минуты две ничего не мог сказать. После неудачных проверок Госснаба я сам для него нашел выход как от меня избавиться и упразднить Госснаб. Я ему сразу сказал: сейчас время, как раз можно упразднить Госснаб, вы же говорили о торгово-сырьевой бирже, на базе основного здания можно создать эту биржу, наши базы объединить с минторгом¹², дальше уже пойдет, министр торговли – молодой парень, активный, потянет.

Он на меня посмотрел:

- Ты правду говоришь? Ты хочешь уйти с председателя Госснаба?

¹⁰ Хан Ахмедов – бывший председатель Совета Министров Туркменской ССР, в 1992-1994 гг. – Чрезвычайный и Полномочный Посол Туркменистана в Турции.

¹¹ Сулейман Демирель – известный турецкий политик, в 1991-1993 гг. – премьер-министр Турции.

¹² Министерство торговали.

- А что? Функции Госснаба исчерпаны, при объединении все равно кого-то куда-то... Агаханов¹³ моложе меня, пусть он пашет здесь, а я... Тем более я от нашей стороны туркмено-турецкий деловой совет возглавляю, турок знаю, немного по-турецки могу говорить, с ними общаюсь.

- Хорошо, хорошо.

Посидели, потом говорит: «Давай сделаем так. Ты не поедешь со мной, а вот на это совещание ДЭК езжай сам. С визитом там всякие вопросы. Потом Демирель мне предлагает отдохнуть. В прошлом году я поехал, а они меня в Мармарис в какой-то общий отель поселили, там шум-гам, разве отдых? Окна не откроешь. А откроешь – полуголые бабы лежат. Найдешь там что-то более уединенное. Заодно с Ханом поговори, как у него настроение».

Я полетел в Турцию. Там мне удалось встретиться с некоторыми МИДовцами. Взял себе на заметку, что их интересовало по Туркменистану, какие вопросы готовили.

Когда совещание закончилось, на пару дней слетали в Анталию с одним турецким бизнесменом, работавшим в Туркменистане. Он мне показал, где отдыхает их правительство. И там действительно нашли коттедж с отдельным выходом на пляж и охраной. Ночь переночевали, улетели обратно.

В перерывах совещания по вечерам с Ханом сидели, под этим делом разговаривали. Я к нему всегда с уважением относился. Правда, человек был нерешительный, боялся высказывать свое мнение, но не вредный был... Поэтому мы с ним нормально посидели, поговорили.

- Как, Хан Ахмедович, работается здесь?

- Понимаешь, Мухамед, второй год – ничего, а первый год было тяжело. Вдали от своих. Не всегда, когда захочешь, можно попасть в Туркменистан (с первого и до сегодняшнего дня послам въезд в Туркменистан только с разрешения президента). Даже министр не может решить этот вопрос. Да и моим детям устроили там гонения. Тяжело было. Потом взял себя в руки, приспособился к этим условиям, и неплохо. Жена, правда, редко бывает, у нее здесь часто давление поднимается. И постоянно начинает ныть: там - внуки, там – то-то. Она то там, то здесь.

Я говорю:

- Если вопрос встанет, что бы вы хотели?

- Я всего навидался. Правда до пенсии мне еще два года (тогда с 60 лет было). Если бы он меня отправил на пенсию и сделал персональную – я ничего не хочу больше.

Когда приехал в Ашхабад, о работе рассказал, о заседании. Но Ниязова это меньше всего интересовало. Спросил: «Есть место, где отдохнуть?» В первую очередь это ему было важно. Я рассказал: так и так, там и Демирель отдыхает. Он: «Ну вот, другое дело, а то чего меня в общий отель поселили». Потом: «А как Хан?» Я говорю: «Вечерами встречались, он в том же отеле был, я его спросил», и рассказал о разговоре. – «Это не проблема. Тогда давай, готовься. Только никому ни слова».

На следующий день какое-то мероприятие было. Председатель Меджлиса, его зам, председатели комитетов, вице-премьеры и министры собрались в холле и ждали Ниязова, когда он пригласит в зал. Он вышел и говорит: «У меня 10 минут, я вам вкратце расскажу про поездку в Турцию. А то у меня сейчас посол Японии должен быть. А вы занимайтесь, готовьтесь к поездке». Потом увидел меня и спрашивает: «Пока вы здесь, как смотрите, если Ханамова я отправлю послом в Турцию?» Для всех это было новостью. Все молчат, ничего не говорят и смотрят на меня, а я улыбаюсь и киваю головой. Видят мою улыбку, думают, раз он так себя ведет, значит все уже договорено. И сразу заговорили: «Да, пойдет. Турецкий деловой совет возглавляет...». – «Ну все, тогда вопрос решен».

Вот так я попал в Турцию.

¹³ Халназар Агаханов – в 1991-1994 гг. министр торговли Туркменистана.

«Мы действительно никому не нужны»

Когда работал в посольстве, особого контроля со стороны КНБ не чувствовал. Такое впечатление, что в посольствах Туркменистана за рубежом все делается только для галочки. Нет никакой серьезной работы. В период, когда Шихмурадов¹⁴ возглавлял МИД, он всегда послов собирал, рассказывал, мы высказывали свои проблемы и говорили об ощущении, что мы никому не нужны. Он не соглашался: «Нет, ребята, вот сейчас мы все узаконили, направили...» Но я увидел, что мы действительно никому не нужны. Приходили шаблонные ответы на наши ежегодные отчеты. Их даже никто не читал. Турецко-туркменские экономические отношения были самые активные. Но, я вам скажу, работали мы в качестве «пожарных»: когда что-то нужно было сделать для аппарата президента, для МИДа, какие-то разовые поручения.

В Москве по штату самое большое посольство. Второе, наверное, у нас в Турции – 6 дипломатов. Из них один секретарь занимался студентами (до 1500 молодежи обучалось). Был военный атташе - обучались военные и из полиции - в полицейской академии турецкой. Остальные – посол, советник, 2-ой секретарь и руководитель консульской службы (он был сотрудником КНБ). Какие-то поручения ему, наверное, давали, но лично я особого внимания не чувствовал. Но мне, собственно, и нечего было скрывать. Зарплата посла была 1800 долларов. Правда, цены росли как грибы...

Как правило, два раза в год туркменских послов вызывали в Ашхабад: на октябрьские праздники¹⁵ обязательно и частенько на ежегодный Халк Маслахаты¹⁶ в декабре. И в крайнем случае разрешали приехать, если что-то с семьей. У меня в последние годы серьезно заболел отец. В 2000 он умер, у него обе почки отказали. Мне пришло сообщение в субботу вечером, что он уже почти не узнает никого. Я начал искать Бориса¹⁷, и своим сказал: «Найдите, пусть он согласует, чтобы я мог завтра вылететь». Турецкий рейс был только в воскресенье вечером, прилетает в понедельник в 4 утра. В воскресенье отец умер, я его не застал живым, но на похороны успел. В 7 утра уже был в Теджене. Наши вышли на Бориса, он сказал: «Пусть летит, я разрешаю». Но еще не успел согласовать. А президент узнал, что я прилетел на похороны, кто-то уже настучал. И на Бориса: «Ты знаешь, что он здесь?» - «Да, я разрешил. У человека отец умер». – «Какое ты имел право разрешить, не согласовав со мной?!» Он тогда на него накричал.

Месяца через три после назначения в Анкару меня посетил Сапар Ыклымов¹⁸. Я знал, что он в Стамбуле, организовал фирму и работает. Где-то через год-полтора приходит его брат Ораз Ыклымов¹⁹, спрашивает: «Вы получили письмо Сапара Сеидова?²⁰» - «Какое письмо?» – «Как какое? В отношении Сапара». Он на меня смотрит, думает, наверное, что прикидываюсь или еще что-то. Я ему говорю: «Объясни понятнее, что произошло?» – «Вы разве не в курсе, что Сапар в тюрьме?» – «Нет». – «Как нет? Разве вас не запрашивали до того, как посадить?» – Я повторяю: «Через нас ничего не проходило. Поверь мне, я от тебя сейчас впервые слышу, что Сапар сидит». – «Не может быть. Мой отец был у Сеидова, тот сказал, что это - недоразумение, сейчас отправлю письмо в МИД Турции, там разберутся, его отпустят. А копия письма должна прийти к

¹⁴ Борис Шихмурадов – в 1995-2000 гг. министр иностранных дел Туркменистана.

¹⁵ День независимости – в то время 27 октября.

¹⁶ Халк Маслахаты (Народный Совет) – по Конституции 1992 года высший представительный орган Туркменистана.

¹⁷ Имеется в виду Борис Шихмурадов, возглавлявший в то время МИД Туркменистана.

¹⁸ Сапар Ыклымов – в 1992-1994 гг. заместитель министра сельского хозяйства и продовольствия Туркменистана. После отставки в 1994 г. выехал за рубеж. В 1996 г. задержан в Турции по запросу Туркменистана, но в 1997 г. освобожден. Получил убежище в Швеции. В последующие годы вел активную оппозиционную деятельность за рубежом.

¹⁹ Оразмаммет Ыклымов – предприниматель, один из братьев Ыклымовых. В январе 2003 г. осужден по делу о попытке переворота 25 ноября 2002 г. Дальнейшая судьба неизвестна.

²⁰ Сапармурад Сеидов – в 1992-1996 гг. председатель Комитета национальной безопасности Туркменистана. В январе 2003 г. осужден по делу о попытке переворота 25 ноября 2002 г.

вам». – Я говорю: «Нет у меня никакого письма». – Он: «Вы позвоните, спросите у Сеидова». – Ответил: «Звонить не буду. Стоит сейчас позвонить, скажут: а, он интересуется, значит связан... И пошло-поехало».

И рассказал ему случай. Один иранский туркмен Юсуп Кенани²¹, живет сейчас в Швеции, работал представителем шведской фирмы. У этой фирмы и Госснаба было совместное предприятие. Этот швед приходит ко мне в Ашхабаде и говорит: «Моему представителю Юсупу дали 48 часов, чтобы покинуть страну. Дочернее предприятие остается обезглавленным. Ты можешь узнать? Если серьезные причины, то я его из фирмы уволю. А если это что-то подстроенное, надо человеку помочь. Если будут настаивать, я его увезу, в Баку у меня тоже есть предприятие, туда переведу. Я говорю: «Я от тебя впервые слышу, что ему 48 часов дали, хотя это наше СП». Звоню в МИД – они не в курсе. Звоню в МВД в отдел, который с иностранцами работает, – они не в курсе. А с Сеидовым у меня была назначена встреча, чтобы до президента обсудить вопросы, связанные с результатом проверок. Я сам напросился, чтобы не у президента мы торговались. Он согласился, назначил время. После обеда зашел и спросил у Сеидова: «За что Кенани депортируют?» Объяснил, что ко мне пришел руководитель фирмы, и он просил узнать, мне надо что-то ему ответить. Сеидов говорит: «Ты не лезь в эти вопросы». Я ответил: «Понял». А шведу сказал: «Там серьезно, что хочешь, то и делай». На следующий день Ниязов мне говорит: «Ты чего это Кенани собираешься защищать? Может ты с ним заодно?» Я объяснил и добавил, что не собирался защищать, даже не знаю, что он сделал. Он посмотрел на меня и говорит: «Болтает там всякую ерунду»²².

В общем, сказал Оразу: «Стоит мне позвонить... Отношение президента ко мне ты знаешь, он ищет причину, а я еще не созрел, чтобы уходить». Так я узнал, что Сапара Ыклымова посадили. После этого в Ашхабаде зашевелились, сказали: надо ускорить подписание соглашения о выдаче. Я – в МИД Турции. Они говорят: в министерстве юстиции что-то застряло, хочешь, переговоры сам с ними. Я звоню министру. В те годы, если посол звонил туркоязычный, соединяли и рандеву давали, а так надо через МИД... Прихожу к нему, еще какой-то вопрос небольшой был. Он говорит: «Это не мы, это ваши виноваты. Два года бьемся над этим. Проект с последними замечаниями отправили, прошло семь-восемь месяцев, ни слуху ни духу, и на наши запросы не отвечают». Я возвращаюсь, вызываю нашего консула, говорю, давай со своим Комитетом²³ решай. Я с министром связался... В это время, по-моему, уже назначили главой КНБ Мухамеда Назарова²⁴. Консул через свои каналы связался, нашли где-то протокол, и говорит: «Мы с турецкими замечаниями не согласны». Я говорю: «Вы им ответьте. Вы ведь на нас давите, чтобы ускорить подписание, ответьте или пришлите нам, мы сами с ними будем работать по этим вопросам». В отношении Ыклымова абсолютно ничего не проходило через посольство.

В Турции несколько раз ко мне приходил Махдум-ага²⁵. В последние годы ему не разрешали въезд к нам. Я запрашивал, но мы, как всегда, ответа не получали. Его младший брат работал в правительстве Наджибуллы и был убит талибами близ границы после того, как его не пропустили на территорию Туркменистана.

²¹ Юсуп Кенани – политический эмигрант из Ирана. В середине 1990-х выслан из Туркменистана за критические высказывания о Ниязове. Получил убежище в Швеции. В начале 2000-х активно участвовал в деятельности одной из групп туркменской оппозиции в эмиграции.

²² Причиной высылки стали критические высказывания о Ниязове в частном разговоре.

²³ Имеется в виду Комитет национальной безопасности Туркменистана.

²⁴ Мухамед Назаров – в 1996-2002 гг. председатель Комитета национальной безопасности Туркменистана.

²⁵ Абделькерим Махдум – влиятельный афганский туркмен, в различные годы проживал в Афганистане и Турции. В начале 2000-х участвовал в деятельности одной из групп туркменской оппозиции в эмиграции.

Много разговоров было в связи с наличием туркменского паспорта у турецкого бизнесмена Омера Люфты Топала²⁶, убитого в 1996 году. Когда в три ночи его расстреляли у дома, со мной был Чары Бабаев (в то время – заместитель министра иностранных дел). Он прибыл по вопросу открытия консульства в Стамбуле. Тогда еще разговоров, что Топал связан с наркобизнесом, не было. Только после смерти начали писать в турецкой прессе. Оказывается, раньше его хотели обвинить в спонсорстве курдских террористов, но, не доказав вину, отпустили. Я об этом позже узнал.

Топал рассчитался за отель в Ашхабаде, открыл казино... Наш президент, как вы знаете, щедрый, иностранным бизнесменам легко гражданство дарит. Выдали и ему наш паспорт. Тогда еще были на бланках общесоюзных загранпаспортов в красной обложке. А у турок красный паспорт – дипломатический, поэтому в газетах писали, что туркмены ему диппаспорт выдали, он свободно ездил, занимался наркобизнесом под покровительством правительства Туркменистана. Я объяснял: вы не путайте паспорта.

В консульство прислали дату и место похорон. Я позвонил Борису, учитывая отношение к нему президента, сообщил о газетных статьях, сказал, что завтра похороны. Спросил: «Надо кому-то участвовать?» Он ответил: «Нет». Поэтому, вопреки тому, что писали СМИ, никакого венка ни от консульства, ни от посольства, ни от МИДа нашего не было. И никто из туркменских дипломатов не участвовал в похоронах.

«Как долго все это может длиться?»

Из Турции я часто разговаривал с нашими послами по телефону. Учитывая, что мы не в Туркменистане, а в тех странах, где они находятся, спецслужб туркменских нет, по телефону мы частенько свободно высказывали свои мысли о том, что происходило в нашей стране, что не по тому пути пошли, неправильные решения принимали. И я через такие беседы находил среди наших послов тех, кто, не скрывая, открыто делился со мной своим мнением.

Однажды позвонил из посольства по обычному телефону нашему послу в Индии Аширу Атаеву²⁷. Я его хорошо знал. Поговорили откровенно. Позже позвонил мне из Ашхабада Мухамед Назаров²⁸ (глава КНБ), говорит: «Ты там поосторожней в разговорах...».

Переломный момент наступил в 2000 году, когда Ниязов объявил себя пожизненным президентом. В декабре 2000 года перед Халк Маслахаты он начал устраивать гонения на Шихмурадова²⁹. Я когда был в Ашхабаде, сказал ему: «Боря, ну как долго все это может длиться?» (мы с ним были на ты, я вам откровенно скажу, хотя раньше таких близких отношений у нас не было) – «Да, на хрен, он меня самого уже достал. Я хочу уходить, он не отпускает. С вице-премьеров снял³⁰, а из МИДа не отпускает. Черт его знает, как долго все это будет длиться». Я говорю: «И что, так и будем сидеть, молчать, в прятки играть?» Борис: «Я тебя прекрасно понимаю, но ты пока посиди, помолчи. Я тебе скажу, когда придет время». – «Хорошо».

Потом его с МИДа снимают, назначают спецпредставителем по Каспию и Афганистану³¹. Я опять ему звоню из Турции прямо в кабинет, хотя знаю, что

²⁶ Омер Люфты Топал – турецкий бизнесмен, «король казино», состояние которого, по некоторым данным, достигало 1 млрд. долларов. Вложил средства в один из отелей в Ашхабаде. После его убийства 28 июля 1996 г. в турецких СМИ появились публикации о его криминальных связях и причастности к наркотрафику.

²⁷ Ашир Атаев – в 1995-2004 гг. Чрезвычайный и Полномочный посол Туркменистана в Индии и Бангладеш.

²⁸ Мухамед Назаров – в 1996-2002 гг. председатель Комитета национальной безопасности Туркменистана.

²⁹ Имеется в виду глава МИД Туркменистана Борис Шихмурадов.

³⁰ Борис Шихмурадов в 1993-1999 гг. занимал пост заместителя председателя Кабинета Министров Туркменистана, совмещая его в некоторые годы с руководством МИДОм. В 1999 г. за ним оставили только статус министра.

³¹ В 2020-2021 гг. Борис Шихмурадов был послом по особым поручениям, специальным представителем президента Туркменистана по вопросам Каспия и урегулирования в Афганистане.

прослушивается, говорю: «Не переживай, если какие-то вопросы – звони». Он сразу понял, о чем речь: «Я тебя понял. Хорошо, позвоню».

Проходит некоторое время – его отправляют послом в Китай. Это был март 2001 года. Через несколько месяцев я тайно вылетаю к нему в Пекин, чтобы там на месте конкретно обсудить, что надо перестать играть в прятки и действовать в открытую.

10 августа с Анкары вылетел в Европу, оттуда в Пекин без разрешения, но со своим паспортом, наши дураки потом даже паспорт мой не догадались проверить. В пятницу я вылетел, а в понедельник – снова на работе³².

Борис сказал: «Надо с другими ребятами поговорить». Договаривались: для начала сделаем демарш нескольких наших послов, с которыми я по телефону говорил. Объяснил: я перед ними это не ставил, но они в принципе так же мыслят, как и мы с тобой. Я переговорю с ними, чтобы как бы цепная реакция пошла... Для Ниязова это будет шоковая терапия, долго не очухается. И потом это будет демонстрацией нашей силы. Я и Борис завели мобильные номера, о которых никто не знал, договорились по ним общаться. Решили, что я возвращаюсь, начинаю обсуждать с другими послами, и как созреет... Лучше устроить «праздник» перед его праздником – днем независимости 27 октября. До дня рождения Ниязова³³ мы не хотели тянуть.

Потом, когда дело до серьезного дошло, многие послы, которые по телефону вроде свободно говорили, «заакали»: ай, родственники, то – другое. Я обсуждал это с ними по своему мобильнику с новым номером. Говорил: позвони откуда-нибудь на мой номер. Имена сейчас не буду называть. Многие из них работают сегодня.

Почти никто не дал согласия. Я и Борис вдвоем остались. Согласился лишь один, но мы ему сказали: повремени. Этому была причина – объясню сейчас. И почему я не ушел в отставку сразу в ноябре – тоже была причина.

Борис, я вам откровенно скажу, очень надеялся на Россию. Он сказал: «Я из Пекина в Ашхабад не полечу, полечу в Россию. И там я уйду в отставку и объявлю, что перехожу в оппозицию».

В сентябре я получил информацию, что под Бориса очень серьезно копают и что в ближайшее время его могут вызвать, по этим сфабрикованным материалам предъявить обвинение и не просто снять, а посадить. Звоню ему, говорю: «Боря, такое дело, ты в курсе?» – «Нет». – «Имей в виду, там готовят какой-то компромат на тебя. То, что могут сфабриковать, – ты прекрасно знаешь, не мне тебя учить. Вплоть до того, что ты окажешься за решеткой». Он говорит: «Не может этого быть, он на это не пойдет». – Я ему: «Ты можешь верить или не верить мне, но я получил из достоверных источников. Но можешь по своим каналам проверить. Я бы на твоём месте, если сейчас тебя вызовут, в Туркменистан бы не поехал. Сказал: «Да, лечу через Москву»... А в Москве тормози».

У нас в те времена дорога была или через Ташкент, или через Москву. А из Ташкента в Ашхабад не каждый день рейсы.

Он говорит: «Хорошо. Давай тогда со всеми вопросами торопиться не будем. Если это так, дело другой оборот принимает. Нас в октябре, говорит, все равно всех туда вызовут. Я, насколько знаю, в этом году пораньше будут собирать».

Я говорю: «Я тоже слышал, что он хочет объявить 10-дневный отпуск в связи с десятилетием независимости и перед этим провести Халк Маслахаты. Это значит, нас где-то в середине октября будут вызывать».

Действительно, через некоторое время получаю указание – быть в Ашхабаде 18-го числа.

Борис мне звонит: «Получил?» - «Получил». – «Я тоже».

Через два дня новый звонок: «Изменение произошло». – «В чем изменение?» - «В сроках. Мне пришло, что не 18, а 15-го быть». – «А мне – нет. Это как раз подтверждает,

³² Даты поездки уточнены по отметкам в паспорте.

³³ В день рождения Ниязова – 19 февраля – в Туркменистане отмечался День государственного флага. В настоящее время дата праздника изменена.

что тебя вызывают раньше. Чтобы до нашего приезда они с тобой могли все что хотят сделать». Он говорит: «Хорошо, я подумаю». – «Думай, но я тебе советую не лететь туда».

Я еще некоторым послам позвонил, спросил: сроки остаются прежние? Все подтверждают, что прежние.

Я опять говорю Борису, что звонил другим, все подтверждают, что сроки прежние.

«Ну хорошо, - он говорит. – Я до 15-го полечу в Москву». Так и сделал.

А я в Ашхабад даже после 18-го полетел. Здесь какое-то совещание было по энергетическим вопросам. И мне разрешили на несколько дней на этом совещании в Стамбуле поучаствовать, учитывая, что из Туркменистана из-за праздничных мероприятий никто не приехал, даже из министерства энергетики никого не было. Поэтому я на этом Халк Маслахаты не был, туда я особо и не рвался. Прибыл в Ашхабад позже других послов. Ребята все приехали, видят, Бориса и меня нет. Сразу задумались. Потом я появился, и они говорят: «Ну, слава Богу. А что с Борисом?» Вот и Халназар Агаханов³⁴ подтвердил, что встречал его в Москве, за что потом президент его чехвости: «Ты, говорит, в аэропорту встречал». – «Ну, как, коллегу, бывшего министра». Тогда еще вопросов этих не было. Как ему не встретить?

Короче, Агаханов его встречал и мне сказал: «Слушай, он еле с трапа сошел (в Турции Борис, будучи министром, делал операцию). У него опять распухла нога. Повреждение мениска (это в коленной чаше в суставе что-то, у футболистов часто бывает, Борис по молодости увлекался футболом). Он слег в больницу. Сообщил в Ашхабад, что в связи с болезнью лег в больницу и прилетит позже».

Его жена, дети были в Москве. Татьяна улетела из Ашхабада, когда его послом назначили. Иногда прилетала к нему. Дети тоже в Москве.

Ну а я, когда был в Ашхабаде, мне передали и я подтвердил Борису, что на него уже точно подготовлено все. Узнал детали. Звонил я из Ашхабада с телефона одного турка. Говорю: «Боря, ты, оказывается, крупный миллионер. Продаешь самолеты военные, автоматы. Ну, раз финансовый вопрос уже решен, остальное проще решается». - Он: «Чего ты там еще выдумал? Кончай шутить». – Я: «Ты понял?» – Он говорит: «Все понял». Я не стал прямо говорить, но дал понять, что это все против него, в чем хотят его обвинить. И тут же, как он подал в отставку, сразу все эти обвинения выплывают.

Через два дня я возвращаюсь в Турцию, в начале ноября, звоню Борису. Спрашиваю: «Ну, как?» Он: «Понимаешь, не все здесь так, как я думал. Не совсем спокойно можно работать».

В Москве туркменские спецслужбы действовали открыто. С первого дня, как он объявил о переходе в оппозицию, за его домом началась слежка. Дежурили постоянно. Дома у него жили жена, родственница какая-то... Но службы считали, что он там.

Я говорю: «Лети сюда». Он 1-го числа подал в отставку, а 7-го числа был в Турции. Российские власти не пытались его остановить.

Я предложил: «Раз дела так складываются, торопиться не будем. Подготовим все условия для работы, и потом я подам в отставку». Так и сделали. Я только в начале февраля 2002 года ушел с поста. Три месяца у нас ушло на организационные вопросы. Был создан сайт «Гундогар», движение организовали. Уже к концу ноября это было готово. Честно скажу, в декабре-январе искали источники финансирования нашего дела.

Потом, когда я ушел в отставку, меня обвиняли, что в период работы в Госнабе я нагребил миллионы. Если бы на самом деле были эти миллионы у меня и у Шихмуратова за проданные самолеты и автоматы, то... Откровенно вам скажу, не пришлось бы ждать 25 ноября. Нас очень мучали финансовые дела. И сегодня мы с этим вопросом серьезно сталкиваемся. Хотя частенько о нас говорят, пишут, мол, номенклатурщики там...».

(продолжение следует)

³⁴ Халназар Агаханов – в 2000-2012 гг. Чрезвычайный и Полномочный посол Туркменистана в России.